

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, профессора, профессора кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» Тихоновой Софьи Владимировны на диссертационное исследование Журбиной Ирины Викторовны «Концепт «политическое» в эпоху глобализации: философско-герменевтический подход», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия

Эпоха глобализации радикально трансформировала представления о государстве, власти и демократии. Классическая модель национального государства с её акцентом на суверенитет и территориальную целостность столкнулась с вызовами транснациональных структур, связанными с размыванием границ внутренней политики, ее зависимости от международных акторов и формированием новой элиты, обладающей надгосударственным влиянием. Политика как проект всеобщего блага уступила место индивидуализированным стратегиям экономического успеха и потребительского выбора. Такое смещение ценностей рождает противоречие между демократическими идеалами и логикой корпоративного капитализма, когда расширение форм участия граждан совпадает с нивелированием масштаба вопросов и проблем, на которые это участие реально влияет. Дискуссии о «конце политики» и о переходе к постполитическим и субполитическим формам постепенно деконструируют онтологическую связь политики и государства, тем самым проблематизируя содержание фундаментального для политической философии категории «политического» и открывая широкое поле методологического поиска в этой области.

Актуальность темы И.В. Журбиной детерминирована потребностью в едином, методологически унифицированном подходе к пониманию политического. «Разнесенность» его семантических основ по разным полям дискурса глобализации и постмодернистская деконструкция категориального аппарата классической политической философии связана с отсутствием обоснованной методологической платформы, пригодной для обеспечения понимания категоризации политического в современных условиях. Социально-философская систематизация концептуальных основ понимания и определения политического необходима не только в академическом поле, она нужна снижения рисков политических кризисов, сопровождающихся делигитимацией, и расширения практических возможностей налаживания диалога властных инстанций и социальных субъектов, невозможных в условиях рассинхронизации их представлений о самой сфере их взаимодействия. Эта рассинхронизация осложнена непрерывным процессом цифровизации и медиатизации культуры, в рамках которого визуализация

аксиологии затемняет лежащий в ее основе рациональный дискурс, а алгоритмическая рациональность платформенного государства ориентирована не на научные стандарты объективности и достоверности в политической коммуникации, а на медийные каноны постправды. Генеративные версии медиафилософии, лежащие в основе подавляющего большинства наиболее влиятельных современных проектов философии политики, превращают цифровую реальность в ключевого агента производства политических смыслов, позиционируя ничтожность вклада в этот процесс базовых политических субъектов, в итоге усиление метафизических тенденций в обосновании политического блокирует ее собственные коммуникативные практики. Таким образом, обращение И.В. Журбиной к построению философско-герменевтической модели политического представляется чрезвычайно важным и несет в себе значительный вклад в область социальной и политической философии.

Достоверность основных положений и выводов диссертации определяется обращением И.В. Журбиной к изучению большого объема научных источников (481 наименование), посвященных тематике конструирования понятия политического в теориях глобализации. Проведенное ей философское исследование отличается высокой степенью эмпирической и теоретической обоснованности основных тезисов представленной им диссертационной работы.

Научная новизна исследования выявляется в основных выводах диссертации. В работе прослеживается установка на формирование авторского философско-герменевтического подхода к пониманию политической реальности, учитывающего множественность интерпретаций политического и способного их интегрировать в единую теоретическую модель. Представлена проблематизация метаполитического «поворота» к субъективным началам политики.

Обосновав методологическую релевантность избранного в качестве основного философско-герменевтического подхода, автор получает возможность рассматривать становление политического субъекта как процесс мышления и понимания, а значит, использовать в качестве методологической опоры на философские концепции мышления, тождества мышления и существования, а также современные интерпретации декартовского фундаментального тезиса. Базовым рабочим принципом мысли диссертанта становится принцип «исключения», который в условиях глобализации проявляется в границах экономической, правовой реальностей, системы демократического представительства как «исключенная», «исключительная» реальность, а также реальность «исключенных» индивидов.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее обобщения имеют серьезное научно-практическое значение при обсуждении проблем, связанных с социально-философской рефлексией природы современной политики и эпистемического статуса категории политического. Результаты

исследования могут найти применение в рамках преподавания философских, политологических и правовых дисциплин.

Содержание диссертации. Работа Д.О. Буркина состоит из введения, пяти глав, включающих четырнадцать параграфов, заключения и списка литературы. Она изложена на 378 страницах.

Цели и задачи изложены четко, их логическая связь определила композиционные особенности структуры работы.

Первая глава диссертации «Специфика формирования концепций политики в эпоху глобализации» представляет собой последовательную и детальную разработку категориального аппарата современной социальной философии, направленную на выявление смысловых трансформаций понятия «политика» в условиях глобализационных процессов. Автор исходит из того, что современный теоретический язык политики формируется в ситуации эпистемологического кризиса, когда прежние категории уже не отражают новые реалии, а новые понятия только начинают складываться. Поэтому в фокусе анализа оказывается префиксальный способ концептуализации, формирующий такие ключевые конструкции, как архиполитика, парapolитика, ультраполитика, биополитика и трансполитика, объединённые общим механизмом словообразования (с. 39–40).

На первой стадии автор подробно рассматривает концепции архиполитики, парapolитики и ультраполитики, фиксируя их генетическую связь с античной традицией, в которой $\alpha\rho\chi$ имело двойное значение – «первоначало» и «повеление, приказ» (с. 41–42). Архиполитика, введённая Ж. Рансьером, соотнесена с платоновской линией, где политика подчиняется знанию. Парapolитика, обращённая к аристотелевскому пониманию власти как управления, трактуется через феномен теневой и полутеневой политики, где «за фасадом государственной политики вершится совершенно другая линия управления общественными процессами – тайная» (с. 50). Здесь пределом оказывается экспертократия, в которой «управление без политики» формирует особый режим власти, но в чрезвычайных ситуациях оборачивается псевдоэкспертизой и полной утратой ответственности (с. 52–53). Ультраполитика С. Жижика демонстрирует милитаризацию политики и постоянное состояние войны, размывающее границы между войной и миром (с. 54). Итогом становится археполитика, обращающая к архаическим моделям прошлого и апокалиптическим сценариям будущего (с. 57).

Во второй части главы анализируется концепция биополитики, прослеживаемая от Р. Челлена до М. Фуко и Дж. Агамбена. Автор показывает, как из античного различия $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ $\rho\omicron\lambda\iota\tau\iota\kappa\acute{\omicron}\varsigma$ и $\zeta\omega\acute{\eta}$ возникает современное отождествление политики с управлением биологической жизнью. Автор выдвигает базовый тезис обратной реверсии биополитики: «Если биополитика базировалась на праве «заставить жить», то в условиях некрополитики основополагающим становится право власти «решать, кто должен умереть» (с. 69), и использует его, чтобы показать, как биополитика постепенно трансформируется в некрополитику (А. Мбембе), где смерть становится

инструментом контроля, и в танатополитику (Т. Лемке), включающую в производство «новомёртвые» тела (с. 75). Предел биополитики автор усматривает в переходе к *zoé políticos* – политике в мире животных, где анализируется пример социального устройства шимпанзе (с. 78).

Наконец, диссертант переходит к трансполитике Ж. Бодрийера, в которой префикс «транс-» указывает на выход политики за собственные пределы и её растворение в медиареальности (с. 82). Политика превращается в «зрелище», а массмедиа монополизируют производство её образов. Ключевым становится состояние транса, при котором общество погружается в поток катастрофических новостей и теряет способность различать реальность и симуляцию. Роли политика и актера максимально сближаются, публичное сливается с мифологическим (С. 93).

Вторая глава раскрывает ключевые моменты авторского методологического проекта через систематическую разработку ключевой концепции метаполитики, позволяющей выйти за пределы традиционного отождествления политики с государством и акцентировать субъективные основания политического. Выдвигается тезис о том, что обращение к префиксу «мета-» становится методологическим инструментом для реконструкции новых оснований философии политики в условиях глобализационных трансформаций.

Для его обоснования автор выявляет различие подходов к метаполитике у Л. Зайберта, П. Вирека и А. Бадью, показывая, что для Зайберта центральным является вопрос «что такое государство?», для Вирека – исследование истоков нацистского разума (с. 106). В интерпретации Бадью метаполитика фиксирует вторичность философии по отношению к политическим событиям: «философская мысль появляется после (мета-) определённых политических событий. В ней раскрываются политические начала философии, а политика представляется в качестве нефилософского условия самой философии» (с. 107). На этой основе автор приходит к выводу о том, что всякая философия обусловлена той или иной политикой, которую она прикрывает посредством некоей особой транскрипции, предназначенной для того, чтобы произвести чисто философские последствия. Этот тезис открывает возможность рассматривать философию не как автономную сферу, а как зависимую от политических оснований практику мышления. Важным здесь становится иное понимание префикса «мета-», который теперь нужен для того, чтобы показать, что в современном мире политику больше невозможно соотносить исключительно с государством как её объективным основанием.

Переходя к разработке субъективных оснований политики, автор открывает пересмотр политической онтологии, которая базируется на принципе множественности, выраженном в тезисе – «люди мыслят» (с. 118). Политика в этой перспективе возникает как мысль, возникающая в конкретной ситуации и требующая действий. Такая постановка вопроса смещает акцент с институтов на субъекта, формируя концепцию политики в интериорности, где

«раскрывается интеллектуальная деятельность политических активистов (С. Лазарюс)» (с. 121). Внутри этой линии автор проводит различие между активистами и деятелями политики, мыслящими политику с разных перспектив. Центральным результатом этого анализа становится положение о множественности политик: «Политика существует только во множественном числе как “политики” (une politique), каждая из которых является политикой революционного действия» (с. 130).

Плюральность политики раскрывается через анализ становления ее субъекта в контексте активизма. Диссертант показывает, что политическим субъектом можно быть только в практике участия: «Политическая активность проявляется в практике мысли, которая доступна не индивидам, а только субъектам политики. Здесь акцент делается на том, что политическим субъектом может быть только активист, участвующий в политике» (с. 142). Тем самым субъект политики отождествляется с активистом, включённым в пространство действий и мыслящим многообразие возможностей, связанных с таким действием. Максимально возможная степень синтеза логического и нормативного анализа воплощается в бадьюдианской фигуре философа-математика. Логический характер политики подчёркивается формулой: «в концепции метаполитики философский логос (λόγος) замещается логикой (λογική), открывающей логические начала политики как мысли, которая выстраивается на основе правильных рассуждений. В результате онтология сводится к онтологике» (с. 143). В этом смещении философских оснований к логическим операциям автор видит предельное выражение субъективизации политики, где политическая мысль опирается на рациональные рассуждения, а не на институциональные рамки. В результате метаполитика оказывается не просто теоретической конструкцией, а способом философского переосмысления самой природы политического, где субъект и мысль становятся главными онтологическими опорами. Современная философия политики, развивая префиксальные стратегии, выходит на постановку проблемы субъекта как основного носителя политического, а сама метаполитика становится пространством онтологического поиска в ситуации кризиса классической политической теории.

Третья глава содержит проработку категории «исключение» как ключевого основания современного понимания политического. Если в классических теориях основным был принцип включения, обеспечивающий интеграцию индивидов в политическое тело (с. 157), то XXI веке ситуация меняется, и именно принцип исключения становится скрытым механизмом конституирования политического. Исключение предстает не просто как негативный процесс вытеснения, но как двусторонняя процедура, определяющая границы включения. Сравнивая подходы М. Фуко и Н. Лумана, автор обнаруживает негативные и позитивные коннотации исключения, которые позволяют вывести саму эту категорию в ранг методологического принципа, позволяющего осмыслить политическое как структуру различий, и

тем самым превратить ее в универсальный аналитический инструмент философии политики.

В ходе глобализации возникают новые социальные группы, которые оказываются исключенными из политического представительства, варьирующиеся между двумя полюсами – капиталом, лишенным жизни, и жизнью, лишенной капитала (С. 182). Политическое в структурах экономической реальности маргинализируется, становится “исключенной” реальностью в значении отброшенной и не нужной ни верхам, ни низам. Экономическая логика вытесняет политическую автономию, в результате политика оказывается подчинённой рынку, а исключённые группы утрачивают не только экономическую, но и политическую субъектность.

Правовой аспект исключения автор рассматривает на основе понятия политического, заложенного учением К. Шмитта и развитого Дж. Агамбенom в категориях “чрезвычайное положение”, “суверенное решение”, “диктатура” (с. 184), демонстрирующих границу функционирования правовых норм, у которой заканчивается государственное право. Состояние исключения в праве проявляется двояко: «исчерпанность правовых норм возникает в двух ситуациях, во-первых, ... во-вторых, ... приостановление действующей конституции необходимо для обоснования нового порядка» (с. 186). Таким образом, исключение становится инструментом обновления правовой системы, но одновременно закрепляет возможность произвольного выхода за пределы норм.

На этой основе диссертанту удастся сформулировать общий вывод о том, что современное политическое определяется не только включением, но и исключением, которое структурирует социальную, экономическую и правовую реальности. Принцип исключения задаёт границы политического, конституируя его через маргинализованных и лишённых субъектов, через экономически вытесненные группы, а также через правовые механизмы чрезвычайного положения. В этом смысле политическое мыслится как пространство «на границе», где именно исключение становится условием его существования.

Четвертая глава направлена на исследование кризиса современного представительства и форм репрезентации социального «исключения». Диссертант показывает, что глобализация и становление неолиберальной демократии радикально трансформируют политическое, переводя его в плоскость исключённых субъектов и символических форм борьбы.

Современный кризис представительства связывается с экономической глобализацией, которая знаменует собой переход к демократии неолиберального типа» (с. 205). В этой системе национальное государство превращается в государство неолиберального типа, в котором единственно возможной является «политика глобального бизнеса». Репрезентация политического оказывается вытесненной логикой капитала, а сами институты демократии обслуживают интересы транснациональных элит, исключая широкие социальные группы из участия в принятии решений.

Концепции Дж. Батлер и Ж. Рансьера, для которых уличные акции, перформативные собрания и формы публичного протеста становятся политическими актами, возвращающими голос исключённым, используются автором для анализа феномена манифестации. Манифестация понимается как медиатическое событие (с. 207), в котором «исключённые» субъекты символически предъявляют своё присутствие, конституируя новое пространство политического. В качестве символического акта современные политические манифестации автор предлагает трактовать как акт саморефрентный, самообосновывающий. В отличие от формализованных институтов, манифестация репрезентирует тех, кто исключён системой, и тем самым восстанавливает политический горизонт демократического общества.

Далее диссертант избирает фигуративную стратегию анализа политической эксклюзии. Центральной фигурой символических форм репрезентации политического становится фигура Борца, олицетворяющая олицетворяющей собой политическую практику сопротивления глобальному капиталу (с. 257). Далее автор добавляет к ней фигуры Прекариата и других маргинальных образов, показывая, как они приобретают роль коллективных символов, олицетворяющих борьбу за жизнь и достоинство. Эти фигуры символизируют социальное «исключение», превращая его в позитивный ресурс мобилизации.

Четвертая глава позволяет автору показать, как современная репрезентация политического выходит за пределы институциональной демократии. В условиях неолиберального типа демократии народ исключается из политического процесса, а репрезентация осуществляется либо через практику манифестации, либо через символические фигуры борьбы. Исключённые группы, утратившие место в механизмах классического представительства, возвращают себе голос посредством коллективных действий и символических образов. Главный результат главы заключается в том, что репрезентация политического на пределе системы демократического представительства фиксирует противоречие между исключением и его преодолением. С одной стороны, неолиберальная демократия исключает народ, превращая демократию в форму господства капитала; с другой – манифестации и символические фигуры репрезентируют исключённых, демонстрируя существование альтернативных форм политического. Тем самым, политическое мыслится как пространство постоянной борьбы за репрезентацию, где исключение становится не только проблемой, но и условием появления новых форм политического действия.

В последней, пятой, главе автор обращается к категории «политическая жизнь» как особому измерению человеческого существования, которое приобретает новые формы и смыслы в условиях глобальных трансформаций. Диссертант выстраивает анализ в историко-философской перспективе, начиная с античной традиции и завершая современными интерпретациями, акцентируя внимание на том, как изменяется само понимание политической жизни и какие фигуры становятся её символами. Основной его гипотезой

является предположение о том, что политическая жизнь неизменно определяется в отношении к двум полюсам частному и философскому.

В эпоху глобализации традиционные формы политической жизни теряют актуальность, уступая место экзистенциальным стратегиям борьбы за жизнь, которые и воплощаются в рассмотренных ранее фигуративных стратегиях (с. 274). Политическая жизнь перестаёт быть лишь институциональным включением в государство и приобретает форму экзистенциальной практики мышления, в которой политическая жизнь мыслится как непрерывное сопротивление, где мысль и существование сливаются воедино. Автор характеризует нового субъекта политической жизни как «человека сопротивляющегося», который мыслит в каждый момент своего существования и тем самым преодолевает инертность жизни. Далее автор концентрируется на *homo sacer* как символической фигуре современной политической жизни, воплощающей исключённые, «социально обездоленные слои населения, которые зависят от государственного надзора, превращающего их в клиентов социальных служб» (с. 295). Эта фигура выражает уязвимость и зависимость тех, кто утратил политическое представительство и оказался в положении поднадзорных. Ей противопоставляется *homo sucker* – «инфантильный потребитель», ориентированный на частные интересы и сознательно отказывающийся от участия в политической жизни. Если *homo sacer* символизирует пассивное исключение, то *homo sucker* олицетворяет добровольное самоустранение из политического пространства. В совокупности эти фигуры отражают кризис традиционной политической жизни, смещение её в сторону либо вынужденной зависимости, либо потребительской апатии. Политическая жизнь в эпоху глобализации радикально изменила свои контуры. Автор показывает, что теперь политическая жизнь больше не сводится к институциональному участию в делах государства, а определяется как «форма-жизни», в которой мысль и существование совпадают и приобретают политический смысл. Политическая жизнь становится уделом исключённых, чьё сопротивление и борьба за элементарное существование наполняют её новым содержанием. Именно в этой борьбе и в экзистенциальной практике мышления возникает новый субъект политического – человек сопротивляющийся, который не только живёт, но и мыслит свою жизнь как политический акт.

Таким образом, пятая глава демонстрирует смещение акцента с институциональной политики на экзистенциальные формы жизни, в которых политическое укореняется в самой практике существования. Это открывает перспективу для переосмысления политической философии в глобальном мире, где жизнь и мышление становятся главными ресурсами политического действия.

Диссертация выполнена на хорошем стилистическом уровне. Теоретические построения автора обоснованы эмпирически. О большом

объеме проделанной автором работы свидетельствует и весьма обширная библиография. Выводы лаконичны, логичны и самостоятельны.

Вместе с тем, работа вызывает ряд замечаний.

1. Автор очень небрежно работает с понятием «эпоха», используя оборот «эпоха глобализации» как синоним актуальной современности, что более чем странно для социально-философского исследования. В тексте нет никаких отсылок к верхней границе исследуемого понятия, тогда как о «закате глобализации» и в медиасфере, и в философско-политическом дискурсе начали говорить же в контексте брекзита (2016), расцвета постправды в сетевом контексте президентских выборов США 2016 г. и трансформации неолиберальной идеологии в либертарианскую. Рассматривать глобализацию как продолжающийся процесс в постпандемийный период, когда идет переопределение мирового порядка, на четвертом году СВО – это крайне хаотичный способ мышления о политическом развитии.

2. Увлечение автора терминологическими лингвистическими экскурсами затемняет для него самого его же собственный методологический проект, гораздо более амбициозный и фундаментальный внутри текста, нежели это анонсировано в авторефератной части диссертации. На протяжении своего исследования автор уверенно поднимает сложнейшие вопросы политической онтологии и политического мышления, сводя полученные им же результаты к крайне скромным и лапидарным выводам. Примером является позиционирование автором «политического» как концепта, вынесенного в название диссертации. Предельно общие понятия, отражающие наиболее общие отношения действительности и не имеющие родового понятия более высокого уровня, в философии называют категориями. Категории используются для разработки дисциплинарных онтологий. Именно таким способом сам автор и работает с категорией политического, разбирая и систематизируя модели политической онтологии, выдвинутые политическими философами в период глобализации, основанные на этой категории как системообразующей. Почему ему захотелось свести свою весьма нетривиальную работу к задаче уровня кандидатской диссертации и изрядно недооценить полученные результаты – остается загадкой для официального оппонента.

3. Удивляет очень топорная проработка темы политического субъекта, внутри которой автор не детализирует субъектное и субъективное, хотя эта демаркация является уже традиционной для новых онтологий в условиях закрепления понятия категории агентности

4. Автор оставляет без внимания поздний этап эволюции теорий глобализации – когда исчерпались ключевые лимиты глобализационной парадигмы, заложенные Э. Гидденсом, У. Бек, М. Кастельсом, и оказалось, что социальные науки столкнулись с ростом феноменов, которые не объяснялись глобализацией (цифровые платформы, социальные сети, мемы, постправда), во втором десятилетии XXI века акцент сместился с глобализации на медиатизацию как «метапроцесс», объясняющий, как медиа

перестраивают социальные институты и культуру, а «глобальное» в работах Ф. Кротца, С. Хьярварда, А. Хеппа и др. стало пониматься не как абстрактная взаимосвязь, а как медиапосредованная коннективность (connectivity).

Сформулированные замечания не отменяют общую положительную оценку работы. Автореферат соответствует основным положениям диссертации и содержит их обоснование. Выводы диссертации нашли отражение в 59 печатных работах ее автора, включая 2 монографии и 24 статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Заключение. Диссертация Журбиной Ирины Викторовны «Концепт «политическое» в эпоху глобализации: философско-герменевтический подход» является самостоятельным, законченным, квалификационным исследованием, в котором решается актуальная научная задача. Ее выводы обладают теоретическим и практическим значением.

Все изложенное позволяет заключить, что диссертация Журбиной Ирины Викторовны «Концепт «политическое» в эпоху глобализации: философско-герменевтический подход» соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия.

Официальный оппонент:

доктор философских наук (09.00.11 – Социальная философия),
профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»

Софья Владимировна Тихонова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Почтовый адрес: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

Контактный телефон: +7 (8452) 21-36-10

E-mail: segedasv@yandex.ru

